

Лет семь назад, одним зимним утром, я оказалась на эскалаторе. На одном из тех, что поднимают тебя из подземки со станции “Грин-парк” к выходу на Пикадилли. Если вам случалось ступать на эти эскалаторы, вы наверняка помните, до чего же они длинные. От низа до верха едешь около минуты, но с моей врожденной нетерпеливостью стоять, не шевелясь, целую минуту — это чересчур. Тем утром спешить мне особо было некуда, и, однако, я зашагала вверх мимо неподвижных пассажиров, выстроившихся по правую сторону. Поднималась и твердила про себя: “Пусть мне и под шестьдесят, но я еще не старая развалина, я в отличной форме, крепка и бодра” — пока, одолев три четверти подъема, не обнаружила, что мне перекрыли проход. Справа стояла молодая мать, а слева — ее дочка лет семи-восьми, державшая маму за руку. На светловолосой девчужке был красный дождевик с капюшоном, что придавало ей некоторое сходство с маленькой девочкой, утонувшей в самом начале фильма “А теперь не смотри”*. (Все кругом напоминает мне о кино, ничего с этим не могу поделаться.) Мимо этой пары было не протиснуться, да

* Фильм (1973) британского режиссера Николаса Роуга с Доналдом Сазерлендом и Джули Кристи в главных ролях, классика кинематографа. — *Здесь и далее примеч. перев.*

и в любом случае не хотелось портить столь трогательный момент единения матери и ребенка. Я дождалась, пока они доедут до верхушки эскалатора, и вдруг увидела, как девочка изготавливается к прыжку. Даже от спины ее веяло азартом, а глаза, надо полагать, были прикованы к движущейся дорожке, пока девочка сосредоточивалась, направляя энергию в лодыжки и прочую мускулатуру; наконец в подходящий момент она лихо, рывком прыгнула вперед и благополучно приземлилась на terra firma, твердой почве, а поскольку удавшийся маневр наверняка преисполнил ее счастьем и восторгом, девчушка дважды скакнула на одной ножке, не отпуская руки матери и вынуждая ту ускорить шаг. Кажется, от этих последних подскоков, более чем от чего-либо другого, у меня защемило сердце и перехватило дыхание; растроганная и взволнованная, смотрела я вслед матери и дочери, направлявшимся к турникету. И тут же подумала о моих собственных дочерях, Франческе и Ариане, уже далеко не девочках, но в возрасте семи-восьми лет гулять просто так им порою было недостаточно — должно быть, это казалось им слишком рутинным, а следовательно, скучным, мешающим проявить во всей полноте их упоение движением и жадный интерес к окружающему миру, поэтому они столь же внезапно принимались прыгать и скакать, увлекая меня за собой, ведь обеих я держала за руку, первую с одной стороны, вторую — с другой. А иногда я тоже подпрыгивала, чтобы не отстать от них и заодно дать понять: я до сих пор способна разделить с ними радость бытия, еще не выкачанную из меня до капли моим средним возрастом.

Все эти воспоминания то вспыхивали, то затуманивались в моей голове, пока я смотрела в спины ма-

тери и дочери, а затем выпали в горький осадок — в смутное, но сокрушительное чувство утраты и печали, и это чувство придавило меня, придушило и заставило выйти из неиссякаемого пассажирского потока, чтобы отдышаться и не отнимать ладонь от груди до тех пор, пока я не ощутила себя готовой вновь влиться в людской поток, вернуться в жизнь твердой поступью, приложить карту к турникету и с высоко поднятой головой выйти на Пикадилли белесым поздним утром.

По Пикадилли я шла очень медленно, размышляя об увиденном в подземке и моей реакции. Завтра Ариана, старшая из моих двойняшек (на целых сорок пять минут), уедет из родного дома, улетит на другую сторону света. В Хитроу отвезу ее я, помашу на прощанье у входа в зал вылета, притворяясь, будто не испытываю ни малейших опасений, только воодушевление при мысли о грандиозных возможностях, что открываются Ариане в Сиднее. А затем мы с мужем останемся наедине с Фран, с проблемой Фран, с Фран, которая в последние несколько недель внезапно и стремительно из нашего дитя превратилась в проблему — да такую, что ошарашила нас с мужем обоих, и в обозримом будущем нам вряд ли удастся опомниться, во всяком случае, не раньше, чем отыщем тропу, которая выведет бы нас из трясины, сотворенной дочерью, на безопасное место. Но пока эта тропа даже не просматривалась.

На Пикадилли я приехала не от нечего делать, но с определенной целью: купить Ариане подарок на память. В универмаге “Фортнум” я почти сразу нашла то, что искала, — чай. Ариана всегда с удовольствием пьет чай — для нее это вкус дома, — а я всегда

с удовольствием завариваю ей свежую порцию. Купив упаковку с шестью разными сортами и серебряными чайником и ситечком в придачу, я попробовала вообразить, как в безликой комнате студенческого общежития в Сиднее Ариана наливает чай в кружку с британским флагом, отхлебывает, и первый же глоток переносит ее на нашу кухню: она сидит, уперев локти в старую сосновую столешницу, а ее волосы искрятся под лучами заходящего солнца, что пробиваются сквозь ветви яблони в нашем зимнем саду.

Надеюсь, вдали от дома чай ее утешит. Либо (что, надеюсь, вероятнее и даже лучше) утешения ей не понадобятся.

Год был 2013-й, первая неделя января, то беспорядочное межеемочное время, когда рождественские празднества уже позади, но жизнь пока не вернулась к норме. Испытывая необходимость в чем-то привычном, обыденном, я решила выпить кофе в баре Британской академии кино и ТВ. Возможно, я встречу там знакомых. Мне не повредило бы поболтать с кем-нибудь, посплетничать и обменяться любезностями.

Бар был почти пуст, так давала о себе знать рождественская усталость. Из знакомых нашелся только один — мужчина, сидевший в одиночестве за столиком на двоих у витрин с киноафишами, смотревшими на улицу. Марк Эрроусмит. Не самая подходящая кандидатура для непринужденной беседы о том о сем. Но, как известно, нищие не выбирают. Марк так Марк. Подойдя к его столику, я выждала, пока он оторвется от своего макбука.

— Калиста, — произнес он, — дорогая! Какой приятный сюрприз.

— Можно к вам присоединиться?

— Разумеется.

Он закрыл компьютер, сгреб бумаги, освобождая место для моего капучино, купленного в баре.

— Простите за то, что захламил столик, — сказал он. — Меня наконец пригласили на встречу с “Фильм 4” на следующей неделе. Они хотят взглянуть на бюджет, что не может не предполагать серьезных намерений с их стороны. — Подровняв последнюю стопку бумаг, он упрятал всю кипу в пластиковую папку.

Марку давно перевалило за шестьдесят. Стройной фигурой он похвастаться никогда не мог и, однако, чем-то походил на Берта Ланкастера в картине “Местный герой”*. (Говорю же, мне кто и что угодно вокруг напоминает о кино.) Некогда у него был вдохновенный взгляд — еще лет десять назад, — но постепенно блеск его глаз померк от затянувшегося невезения. Последние лет двадцать пять, а то и больше, Марк носился с одним и тем же проектом. В конце 1980-х он обзавелся опционом на роман Кингсли Эмиса, по тем временам автора достаточно *востребованного*, и по сему затея Марка выглядела вполне реалистичной. Он легко заручился согласием именитого режиссера, а также трех-четырёх доходных актеров, любимцев публики. Но по какой-то причине финальный денежный транш отменили в последнюю минуту, и режиссер сразу стал недоступен, затем двое из актеров стали недоступны, а внешность одного из оставшихся медленно, но верно утрачивала доходность, и не

* Фильм (1983, реж. Билл Форсайт) занимает 37-ю строчку в Топ-100 британских фильмов. Берт Ланкастер сыграл роль невротического главы нефтяной компании.